

И

стория полна парадоксов, курьезов и интересных сюжетов, которые становятся сюжетами романов и фильмов. Многие из нас начинают свое увлечение историей с просмотра фильма или чтения книги. И для меня это не было исключением.

30 лет назад закончились съемки любимого многими фильма Светланы Дружиной «Гардемарины, вперед!». Я впервые увидела его, когда мне было лет шесть-семь, сюжет до конца, конечно же, не поняла тогда, но песни стала напевать. Очень увлекли приключения героев, а самой хотелось быть похожей на Анастасию — красавицу, ради которой мужчины на шпагах дерутся. Помню, подговорила своих друзей организовать игру, сейчас бы это квестом назвали. Но мы тогда слова «квест» не знали, играли «в гардемаринов». Покопавшись в бабушкином сундуке, я нашла какое-то длинное платье: казалось, в нем я вылитая Анастасия. Играли мы «в гардемаринов» недели две, всякий раз придумывая новые приключения, мечтали, что вырастем и у нас будут почти такие же испытания, пылкая любовь и настоящая дружба.

Шло время. И лет в двенадцать я попыталась разобраться в кинематографическом сюжете, понять, правда ли то, о чем идет речь в фильме. К этому времени вышли на экран два продолжения: «Виват, гардемарины!» и «Гардемарины-III». Как ни странно, продолжения эти были не менее увлекательны. Я запоем читала все, что могла найти про XVIII век. Благо тогда начали выходить еще и книги Эдварда Радзинского. И это погрузило меня в эпоху галантного века. Да так, что настоящая жизнь показалась какой-то пресноватой. Тогда и поняла юная мечтательница, что надо либо машину времени изобретать, либо стремиться в мир кино. Все это вылилось в увлечение историческими костюмами. Вскоре наряды моих кукол могли соперничать с гардеробом царицы Елизаветы Петровны.

Красота, как известно, требует жертв, и жертвы появились. Незаметно для мамы и бабушки отрезались куски тканей из запасов. Помню, сколько шума было, когда бабушка обнаружила, что синего бархата стало меньше и оставшегося ей на платье не хватает. Но дедушка, увидев мой «шедевр», все же попытался убедить несчастную бабушку, что внучка изучает мир, ищет свое место в жизни, и платье для куклы — это наименьшая плата за счастье ребенка. Я очень благодарна близким, что, стерпев мое хулиганство, они позволили реализоваться разным интере-

сам и фантазиям подрастает мечтательницы. После того случая, дабы уберечь себя от уничтожения новых тканей, мне стали выдавать куски материи, распарывая старые вещи. Художником по костюмам я не стала, лет в шестнадцать поняв, что для этого надо серьезно учиться и уехать далеко от дома. А будучи ребенком домашним, рискнуть на это не смогла. К тому же на тот момент чтение книг по истории стало преобладать над портняжным делом. И впереди маячил исторический факультет Воронежского университета...

За пять лет учебы я так и не пресытилась историей, напротив, стала еще больше читать. И не только книги по учебной программе, но и исторические романы. А в свободное время смотрела по много раз любимые костюмированные фильмы. Сколько раз пересмотрела приключения гардемаринов, уже и не помню. Кажется, знаю их наизусть, но всякий раз живу в мире героев, погружаясь в эпоху. Мечтала, что придет время, выйду замуж, и у меня будет дочка, которую я непременно назову Анастасией.

К моему великому счастью, недавно узнала, что будет четвертое продолжение «Гардемаринов». Уже завершаются съемки. Любопытно, что все это совпало с удивительной находкой. Листая журнал «Русская старина» за 1886 год, я наткнулась на публикацию секретаря саксонского посольства при дворе Екатерины II Георга фон Гельбига «Русские избранники и случайные люди». Это рассказы об иностранцах в России XVIII века. Один из них — биография Якова Бергера. Напомню, так звали офицера, который предал Ивана Лопухина, что привело к аресту его семьи, а также Анастасии Ягужинской и Анны Бестужевой — сюжет всем известного фильма. Начала читать, и с каждой строчкой передо мной вставали сцены из «Гардемаринов, вперед!» Дочитав, я подумала, что кто-то из сценаристов, видно, тоже прочел этот рассказ.

Я знала о том, что в основу фильма была положена рукопись неопубликованного романа Нины Сорокиной «Трое из навигацкой школы». Она писала роман для своих детей и, будучи инженером по строительству портов и гидросооружений и преподавателем строительного техникума в городе Троицке, поначалу не думала об издании своего творения. В одной из передач о съемках фильма Светлана Дружинина вспоминает: «1 января 1983 года раздался телефонный звонок. Звонила женщина. Она предлагала мне свой роман как материал для сценария. Мы с ней встретились в холле Дома кино. Она представилась: Сорокина Нина Матвеевна. Инженер. Преподаватель техникума. Из сумки вытащила объемную красную папку огромной тяжести, которую я еле донесла до дома, и, бросив, забыла о ней. Ее нашли мои дети. Содержание книги их очень заинтересовало. Дружинина любила советского писателя Вениамина Каверина. Призыв из его «Двух капитанов» — «Бороться и искать, найти и не сдаваться» — вдохновил Дружинину на название фильма: «Гардемарины, вперед!» Что касается книги Сорокиной, то роман был издан уже после выхода фильма.

Поиски в Интернете пока не подтвердили мои догадки о том, что в основу романа было положено воспоминание Бергера, напечатанное в журнале «Русская старина». Романы Сорокиной настолько переполнены историческими фактами, что, возможно, автор и сама не помнила, откуда взяла тот или иной интересный факт, который и стал сюжетом книги.

Поскольку я уже много раз убеждалась, что обращение к первоисточнику обязательно, думаю, что история Бергера может быть интересна многим поклонникам гардемарин. Кто же такой Бергер? О человеке, о котором говорится в статье Георга фон Гельбига, известно не так уж много. Но главное то, что именно его история дает повод рассказать об одном из ужаснейших эпизодов в эпоху царствования императрицы Елизаветы. Бергер был виновником несчастья, постигшего несколько достойных семей.

Яков Федорович Бергер был курляндец, простого происхождения. Он отправился в Россию еще в годы правления Анны Иоанновны¹. Заступил на военную службу и, благодаря рекомендации, стал офицером армейского полка. В 1743 году был назначен ехать в Ярославль, по месту ссылки графа Леванвольде², чтобы принять надзор за этим важным узником. Такая служба воспринималась тогда многими службистами хоть и ответственной, но скучной и во всех отношениях неприятной. Яков хотел отделаться от поручения, но у него не было подходящего предложения. Наконец, случай все-таки представился, и он им воспользовался самым варварским образом. А случилось вот что.

Статс-дама Лопухина³, услышав, что на поручика Бергера возложен надзор за графом Леванвольде, поручила своему сыну Ивану, который был ранее камер-юнкером при дворе, познакомиться с поручиком Бергером и просить его передать графу, что она постоянно вспоминает его, просит не унывать и надеяться на лучшие времена.

Этому невинному утешению, которое подруга посылала своему страдающему другу, было придано толкование государственного преступления. А в основе всего лежала обычная придворная сплетня, оскорбившая императрицу. Дело вот в чем: графиня Лопухина и графиня Бестужева⁴, жена обер-гофмаршала, дипломата Михаила Петровича Бесстужева-Рюмина и некогда вдова генерал-прокурора Сената графа Петра Александровича Ягужинского, сказали однажды, что они еще и теперь, уже довольно пожилые дамы, красивее императрицы. Говорили они это или нет, но такой слух прошел по салонам и дворам и достиг Елизаветы⁵. Императрица негодовала всегда, как только ее красота подвергалась сомнению. Теперь ее доверенные приближенные должны были найти случай к мщению, и этот случай вскоре представился.

Бергер затаил дьявольскую мысль, что поручение госпожи Лопухиной поможет ему освободиться от караула при графе Леванвольде. Проще говоря, задумал он поклеп на Лопухину и решил донести на нее генералу Ушакову⁶, князю Никите Трубецкому⁷ и графу Лестоку⁸.

Граф Ушаков уже много лет был инквизитором, или президентом Тайной канцелярии. В этом качестве круг его полномочий при Елизавете был неограничен. Авторитет его был непререкаем. Он славился необыкновенной строгостью, и хотя ему нельзя было отказать и в большой справедливости, но при одном его имени трепетали все жители России. Князь Никита Трубецкий имел чрезвычайно деспотические принципы и не отличался ни человеколюбием, ни снисходительностью. Граф Лесток, ради предосторожности, соблюдал большую строгость, чем та, которая была в его характере: он опасался, что новое здание правления Елизаветы так же легко может быть разрушено, как он воздвиг его.

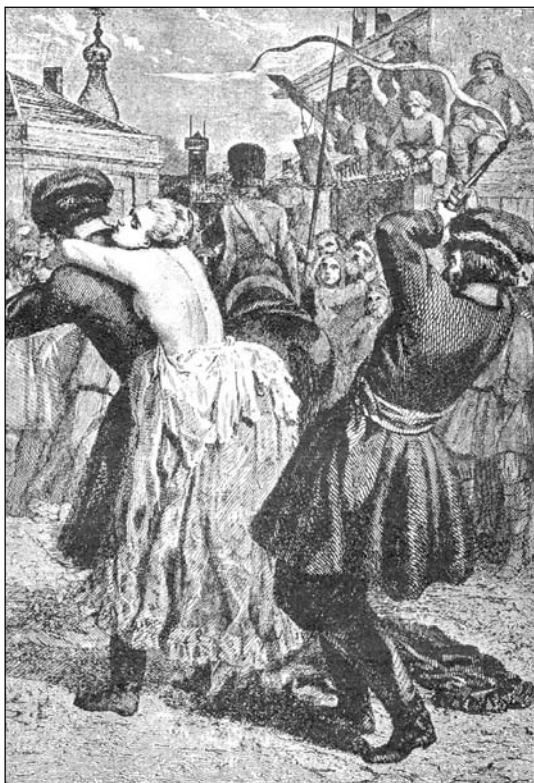
Бергер и рассказал этой троице о поручении госпожи Лопухиной и дав при этом понять, что «заманчивая надежда», выраженная Лопухиной, должна же на чем-нибудь основываться. Ему посоветовали разговаривать с молодым Лопухиным⁹ при свидетелях. Бергер последовал совету и отправился в трактир, в котором обыкновенно собирались молодые люди. Лопухин пришел в назначенный час в трактир, где его ждали Бергер и Мальтиц¹⁰ в качестве свидетеля. Молодые люди довольно много выпили. Бергер прикинулся недовольным, и простодушный Лопухин попался в ловушку: он стал говорить об императрице довольно свободно и вообще в выражениях неосторожных. Больше ничего и не нужно было его собутыльникам. Все это было передано Елизавете. Бывшие при ней приживалки тотчас закричали, что Лопухина и графиня Бестужева всегда дурно отзывались об императрице, что в этом кроется подготовка заговора и что зло надо пресечь в самом корне. Елизавета пришла в страшный гнев, вспомнила преступление против ее оскорбленной красоты и тотчас же приказала арестовать даже самых отдаленных участников этого государственного преступления, судить и публично наказать.

особенно же — обеих дам. Императрица хотела даже уехать в Петергоф, но раздумала.

Начало следствия было ужасным. В ночь на 5 августа 1743 года по всем улицам Петербурга ходили патрули. В тот же вечер начались аресты. Генерал-лейтенант Лопухин, его жена и сын были арестованы. Придворная дама, фрейлина Лопухина¹¹, дочь генерал-поручика Лопухина, была в Петергофе при молодом великом князе¹², который очень ее любил за веселую беседу. На другое утро она приехала в город вместе с великим князем, и под предлогом, что ее мать смертельно больна, ее отвезли в родительский дом и там арестовали. 6 августа графиня Бестужева, жившая в деревне, была арестована вместе со своей старшей дочерью Анастасией¹³ и привезена в Петербург. Ее супругу дали знать, чтобы он ничего не опасался и оставался в деревне. Все арестованные были сперва доставлены в Елизаветинский дворец. Но вскоре Лопухина, Лопухину и графиню Бестужеву перевезли в петербургскую крепость. Дочерей, найденных невинными, отослали по домам.

Для расследования была образована особая комиссия. Членами ее назначили генерала Ушакова, князя Трубецкого и графа Лестока. Ежедневно кого-то арестовывали: всякого, кто, хоть год назад, сказал какое-либо слово, которое поддавалось произвольному истолкованию, кто выражал недовольство настоящим или вспоминал о счастливом прошедшем. Кого угодно можно было оговорить, и тут же он считался уже соучастником мнимого государственного заговора и привлекался к суду. На этом основании были арестованы между прочими жены камергеров Лилиенфельдов и княгиня Гагарина, урожденная Ягужинская, гвардейский поручик Машков, гвардейский капитан князь Путятин, статский советник Зыбин и другие. Молодой Лопухин был пытан под кнутом, и боль вынудила у него признание во всем, что ему диктовали.

Дело приняло еще более серьезный оборот, даже внешнеполитический. Маркиз Ботта¹⁴, посланник королевы венгерской и чешской, давно уже выехавший из России, находилась в дружеских сношениях с домами Лопухиных и Бестужевых. Этим обстоятельством воспользовалось французское посольство, чтобы привлечь на свою сторону русский двор и нанести чувствительный удар по двору австрийскому, который тогда постоянно враждовал с французами. Так появились версии, будто Ботта говорил, что правление Елизаветы не может продолжаться, и якобы перед своим отъездом он переговаривал с госпожой Лопухиной и графиней Бестужевой о том, чтобы побудить прусского короля Фридриха II к восстановлению Брауншвейгской фамилии на престоле.

Наказание кнутом княгини Н.Ф. Лопухиной
(рис. из книги Н. Евреинова «История телесных наказаний в России». 1913 г.)

В Вену отправились жалобы на Ботту. Мария Терезия¹⁵, более человечная, умная и справедливая, чем Елизавета, написала своему резиденту Гогенгольцеру, что маркиза Ботту нельзя осудить, что для этого необходимо иметь точные доказательства. Тогда было приказано отправить в Вену целую кипу протоколов, в которых почти ничего не было, кроме сплетен, причем императрица уверяла, что сама присутствовала при допросах и требовала удовлетворения. Сообщение о ее присутствии при допросах было ложью. Но, тем не менее, Ботта действительно на некоторое время попал в немилость венского двора, по крайней мере, по виду. Фридрих II¹⁶, о котором тоже шла речь по ходу допросов, принес через своего посланника, барона Мардефельда¹⁷, большие извинения Петербургу и торжественно заверил, что ему никогда не были делаемы предложения о восстановлении брауншвейгской фамилии на русском престоле, но если бы таковые и были сделаны, то они, конечно, тотчас были бы отвергнуты.

Между тем в России продолжалось следствие, чтобы доставить глазам удовольствие видеть совершение казней палачом. Состоялось большое заседание. Сенат и Синод должны были поклясться, что будут молчать и судить. Синод хотел убраться от дела, но должен был присутствовать, чтобы самому не показаться подозрительным.

На другой день после праздника Александра Невского, т.е. 31 августа, происходила казнь на тогдашнем Лобном месте на Васильевском острове. За два дня пред тем об этом извещалось с барабанным боем. Генерал-поручик Лопухин, его жена, статс-дама императрицы, жена обер-гофмаршала графиня Бестужева, молодой Лопухин, поручик гвардии Машков, князь Путятин, майор гвардии, и статский советник Зыбин были биты кнутом. Первым четверым сверх того отрезали языки. Палачи, наказывавшие кнутом, показывали присутствовавшим вырванные куски мяса и с дьявольской усмешкой предлагали купить их. Затем несчастных на маленьких мужицких телегах отвезли за десять верст, где в деревушке они могли проститься с родными. Потом поодиночке их развезли по местам ссылки. Многие другие лица, привлеченные к следствию, были сосланы в Сибирь прямо из тюрьмы. Очень немногие избежали наказания. Таким образом, вследствие сплетни, основанной, вероятно, на пустой лжи, жестоко пострадало много семей. Так часто бывает: ничтожные причины ведут к страшным последствиям.

Что чувствовал сам Бергер при виде этих нечеловеческих расправ, неизвестно. Нравственные страдания его вряд ли удручали. Но своего он достиг: получил разрешение не ехать к графу Левенвольде. За донос 22 октября 1743 года его перевели из поручиков кирасирского полка в секунд-ротмистры конной гвардии. В 1761 году Бергер командовал полком конной гвардии и за услугу, оказанную 28 июня 1762 года, был произведен в подполковники конной гвардии. Хотя он довольно быстро повышался в армии, но имел дурное счастье и умер, наконец, в царствование императрицы Екатерины II генерал-майором, но в самых стесненных обстоятельствах.

Вот собственно и вся информация об этом человеке, который стал причиной несчастья людей, вся вина которых заключалась в несдержанности на язык. Спустя несколько столетий все эти люди стали героями книги Нины Сорокиной и фильма Светланы Дружининой. Имя Бергера несмотря на достаточно высокое положение не вошло даже в «Русский биографический словарь». В гардемаринах ему также отведена лишь эпизодическая роль. А вот главные герои фильма — три друга-гардемарина историческими личностями, к сожалению, не являются... А может, просто пока не удалось найти документы их присутствия. Радует, что Анастасия все-таки существовала. Значит, была и романтическая история. И это дает массу поводов придумать, какова была судьба этой загадочной женщины...

А моя мечта сбылась. У меня есть дочка, которую зовут Анастасия.

¹ Анна Иоанновна (1693–1740) — русская императрица из династии Романовых, племянница Петра I.

² Рейнгольд Густав Леванвольде (1693–1758) — обер-гофмаршал, фаворит Екатерины I, влиятельный придворный во времена Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, при Елизавете сослан за растраты.

³ Наталья Федоровна Лопухина, урожденная Балк (1699–1763) — статс-дама при дворе Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, дочь Матроны Монс, замужем за генерал-лейтенантом Степаном Васильевичем Лопухиным, двоюродным братом царицы Евдокии, первой жены Петра I, одна из центральных фигур заговора «Ботта-Лопухиных».

⁴ Анна Гавриловна Вестужева-Рюмина, урожденная Головкина, в первом браке Ягужинская (ок. 1703–1751) — младшая дочь петровского канцлера Гаврилы Ивановича Головкина, ее дед был двоюродным братом царицы Натальи Кирилловны, статс-дама Екатерины I, одна из центральных фигур заговора «Ботта-Лопухиных».

⁵ Елизавета Петровна (1709–1762) — императрица российская из династии Романовых, дочь Петра I.

⁶ Андрей Иванович Ушаков (1672–1747) — русский военный и государственный деятель, сподвижник Петра I, начальник тайной розыскной полиции в 1731–1746 гг.

⁷ Никита Юрьевич Трубецкой (1699–1767) — русский военный и государственный деятель, генерал-прокурор, три года возглавлял Военную коллегию.

⁸ Иоганн Германн Лесток (1692–1767) — хирург немецко-французского происхождения, первый придворный лейб-медик в России, директор Медицинской канцелярии, доверенное лицо Елизаветы Петровны.

⁹ Иван Степанович Лопухин (ок. 1720 — ок. 1747) — камер-юнкер, гвардии-подполковник, главный участник заговора.

¹⁰ Фридрих Филипп Мальтиц (1713–1766) — барон, родом из Курляндии, бригадир, обер-егермейстер, адъютант принца Гессен-Гомбургского.

¹¹ Анастасия Степановна Лопухина (1725–1799) — фрейлина, была арестована по делу «Ботта-Лопухиных», жена Николая Александровича Головина.

¹² Петр Федорович (1728–1762) — наследник престола, внук Петра I, будущий император Петр III.

¹³ Анастасия Петровна Ягужинская (день рождения и дата смерти неизвестны) — фрейлина, дочь Анны Гавриловны от первого брака, информация о ней отрывочна, в основном в документах дела «Ботта-Лопухиных», по одной из версий, ее имя Анна, а не Анастасия (1733–1801).

¹⁴ Антонио Отто Ботта (1688–1774) — маркиз, дипломат.

¹⁵ Мария Терезия (1717–1780) — эрцгерцогиня Австрии, королева Венгрии и Богемии.

¹⁶ Фридрих II (1717–1786) — король Пруссии.

¹⁷ Аксель фон Мардефельд — прусский посланник.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Георг фон Гельбиг. Русские избранники и случайные люди (перевод с немецкого) // Русская старина. 1886. Т. L. — С. 161–165.

2. Наталья Федоровна Лопухина // Русская старина: Историческое издание. — 1874. Т. XI. — С. 197.

3. Участники в деле Лопухиной // Русская старина, 1875. Т. XII. — С. 400–401.

4. Анисимов Е.В. Наследники власти // Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. — М: Мысль, 1986. — С. 140–142.

5. Русский биографический словарь: в 25 томах. — СПб. — М. 1896 — 1918.

6. Емелина М.А. Дело Лопухиных и его влияние на развитие российской внешней политики (1743–1744 гг.) // Ключ. — 2006. — № 3. — С. 102–107.

7. Наказание кнутом Н.Ф. Лопухиной (иллюстрация из книги Н. Евреинова История телесных наказаний в России. СПб. 1913).